

на колесах. Любое свободное от работы время она проводила с ним. Тяжело больной и беспомощный Владимир Николаевич категорически отвергал даже мысль о переезде Варвары Павловны на постоянное жительство в Саратов. Он знал, что от этого пострадает дело» [6, с. 11].

В. Н. Перетц пытался работать, изучая хранившиеся в саратовских фондах рукописи, кое-что подготовил к изданию (опубликовать это В. П. Адрианова-Перетц смогла лишь в 1956—1961 гг.). У него образовался узкий круг близких по интересам знакомых: известный саратовский литературовед А. П. Скафтымов, сосланный белорусский ученый В. У. Ластовский. Но здоровье быстро ухудшалось.

С самого начала ученый хлопотал о восстановлении доброго имени. Сразу по приезде в Саратов он пишет цитировавшееся выше письмо В. П. Волгину. Принимала меры и Варвара Павловна. В ноябре 1934 г., очевидно, в связи с обращениями руководства академии, делу дали ход. 23 ноября 1934 г. врио Главного военного прокурора Розовский пишет секретарю Особого совещания при НКВД Буланову: «По распоряжению тов. Вышинского прошу поставить на пересмотр дело академика Перетц В. Н. для замены ему высылки в Саратов условным осуждением» [8, л. 249]. Мотивировка включала невозможность использования в Саратове «крупной научной величины», состояние здоровья и, наконец, то, что «принятыми в свое время мерами объективная возможность продолжения антисоветской деятельности устранена» [8, л. 249]. К письму приложено заявление В. Н. Перетца Прокурору СССР, где он вновь не признавал себя ни в чем виновным и просил пересмотреть дело. В заявлении сказано: «За время высылки из Ленинграда, лишенный необходимых забот и ухода, я настолько в отношении здоровья потерпел ущерб, что теперь положительно нуждаюсь в уходе, чтобы сохранить остаток работоспособности. За 4 1/2 мес[яца] я имел семь заболеваний, при этом, как видно из прилагаемой справки (в деле отсутствует — Ф. А., В. А.), взятой задолго до вызова моего — состояние моего здоровья настолько ухудшилось (давление крови в сосудах см. 165 — теперь 210), что мне угрожает паралич, который я перенес в 1925 г.» [8, л. 251].

Слово «вызов» показывает, что заявление академик писал в Москве. В его более позднем письме И. В. Сталину сказано: «16 ноября 1934 г. я был вызван из Саратова в Москву в Верховную прокуратуру, и здесь после данных мною прокурору (П. Н. Вишнякову) объяснений мне была 19 ноября объявлена резолюция верховного прокурора (так — Ф. А., В. А.) А. Я. Вышинского — «считать приговор условным и разрешить мне вернуться в Ленинград». Мне было предложено до оформления резолюции — недели на две-три вернуться в Саратов, причем было добавлено, что намечен пересмотр всего дела, по которому привлечен .и я» [8, л. 260; 10, с. 27].

Было ли поведение прокуроров очередной ловушкой или в самом деле шла речь о смягчении участи ученого? Письмо Розовского скорее свидетельствует о втором. К тому же на нем есть резолюция, вероятно, Буланова: «т. Коган. Поставьте на Ос[обое] сов[ещание]. 28/XII 34». Напомним, что как раз в день вызова В. Н. Перетца в Москву было принято окончательное решение оставить в покое М. Н. Сперанского. Но дело В. Н. Перетца так и не пересмотрели, а в Саратов он уехал не на две-три недели, а навсегда. Из-за чего застопорилось дело, мы не знаем. Сам ученый связывал это с изменением ситуации после происшедшего 1 декабря 1934 г. убийства С. М. Кирова, что вполне возможно.

Вскоре, 22 декабря 1934 г., В. Н. Перетц вместе с М. Н. Сперанским был согласно предписанию ОГПУ исключен из числа академиков АН СССР. Лишился звания он и в Украинской академии.

Больше из Москвы не было сообщений. Отчаявшись, в июне 1935 г. В. Н. Перетц пишет И. В. Сталину. Это письмо также опубликовано [10, с. 27—28] по экземпляру из архива В. П. Адриановой-Перетц. В отличие от письма В. П. Волгину два экземпляра данного письма имеют разночтения, в цитируемой нами части они отмечены в сносках. Видимо, отосланное письмо подшито в деле, а